

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 111

С.В. Комаров

ВРЕМЯ РУССКОГО БЫТИЯ (ЧАСТЬ II)¹

Статья посвящена исследованию времени на основе экзистенциальной аналитики русского бытия. Различие в понимании природы времени в западном и русском мышлении выражается в фигурах линии и круга; показано различие в понимании «момента» времени как точки и интервала. По мнению автора, основным модусом времени для западного мышления является будущее время, для русского мышления – прошлое. На основе этого интерпретируется остановившееся время повседневности русского бытия и повторяющееся («застывшее») время истории. Показано, что различное отношение к своей конечности западного и русского человека рождает разные стратегии понимания своей историчности и событийности и открывает разные возможности выхода из круга повторяющегося времени.

Ключевые слова: бытие (Dasein), присутствие, время, линия, круг, момент, прошлое, настоящее, будущее, решимость быть, застывшее время, идущее время, освобожденное время, история, событие.

S.V. Komarov

THE TIME OF RUSSIAN BEING. THE ARTICLE 2

The article is devoted to study of time based on the existential analysts of Russian Being. The difference in understanding of the nature of time in the West and Russian mentality is expressed in the shapes of line and circle; shows the difference in understanding of the «moment» as times point and times interval. It has been shown that main times modus for Western thinking is the Future and for the Russian mindset is the Past. On the basis of that it has interpreted the time of Russian daily as stopped times and repetitive ("Stuck") times of history. It is shown that the different attitude towards its extremity of Western and Russians man gives different strategies of understanding its historicity and event and opens up different avenues exiting the circle of repeating time.

Keywords: Being, presence (Dasein), time, line, circle, point, Past, Present, Future, resolve to be, Stuck time, Running Time, Emancipate time, history, event.

© Комаров Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор кафедры менеджмента и маркетинга, ФГБОУ ВПО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», e-mail: komarov@pmc.edu.ru.

¹ Первая часть статьи опубликована в журнале «Вестник ПНИПУ. Культура, история, философия, право» № 4 за 2015 г.

Мир представляет собою, таким образом, систему разных уплотненностей времени.

А.Ф. Лосев

3. Остановившееся время повседневности (Alltäglichkeit). Западный человек остро переживает падение своего здесь-бытия. Ничего другого, кроме тошноты и желания прервать тяготину существования, рутина повседневности вызвать не может. Связано это, конечно, с острым осознанием «течения» времени. Ускользание времени порождает скуку и отчаяние, желание быть со временем, успеть. Своевременность означает здесь успеть за ходом времени, быть современным.

Однако эта захваченность актуальным есть ловушка самого времени, поскольку временной горизонт при этом сужается до точки здесь-присутствия. Мы пытаемся удержаться в потоке времени, а точка времени все время ускользает: наше здесь-бытие переживается как исчезающе-конечное. Это делает призрачным само наше повседневное существование: действительность прошлого или будущего нависает над нами. Однако беда в том, что их, собственно говоря, нет: их действительность есть действительность не-существующего.

Дело в том, что присутствие Dasein само по себе еще не выявляет нашей собственной историчности и событийности; таковым его, по мысли М. Хайдеггера, делает решимость. Попытка быть своевременным означает стратегию ориентации на наступающее будущее. Эта решимость быть распаивает настоящее в сторону будущего и отрицает прошлое как не имеющее значения для нашего существования. Прошлое было и навсегда прошло, настоящее – не действительно само по себе, оно есть только преддверие будущего.

Это будущее рассматривается как разрыв круга повседневности только при условии понимания его как пространства, в котором можно сбываться. Это не просто наступающее будущее, ибо оно может и не сбываться, это будущее как открытие простора для деятельности. Лихорадка активности, свойственная западному человеку, есть не просто попытка трансцендировать конечность существования, но именно открытие экстатического горизонта возможности быть.

Быть со временем – значит управлять им, т.е. определять его направление. Продвижение в будущее и есть сдвиг границы настоящего здесь-бытия, заглядывание за его горизонт. Для западного человека это означает способность самому задавать смыслы своего бытия. Для этого нужна независимость от своего настоящего и прошлого, мощь и сила существования. Это вопрос власти/свободы как отрицания прошлого и настоящего. Поэтому торжествующий размах субъективности западного человека есть выражение самой возможности распоряжаться своим бытием².

² Заметим, что этот пароксизм деятельности западного человека амбивалентен: этот набросок своего бытия вполне может оборачиваться забвением бытия. Сладость от самой активно-

Иное дело – русское здесь-бытие. Повседневность отнюдь не переживается русским человеком в модусе падшести. Как было указано выше, русское здесь-бытие не отделено от своего бытия, никакой дистанции между ними нет. Поэтому оно – не конечно: неопределенное «вот»-бытие – это только раскрытие бытия в этой, как и любой другой, пространственной точке нашего пребывания, но само бытие имманентно своей беспредельности. Мы не вне бытия и не напротив него, а погружены в него. Это означает, что в повседневности мы «погружены» в *само* время.

Тут есть значимая игра смыслов. Слитность и неотличимость от своего бытия означает его не-понимание. Как уже говорилось, русские не понимают свое бытие, а им живут. Русское «понимание» не означает владения. «Имать» – значит «ловить», но разве можно «поймать» бытие, если оно уже не дано нам? Экзистенциалом русского здесь-бытия является расположение – и в смысле пространственной позиции, и в смысле благоприятной настроенности. Немецкие *Befindlichkeit* и *Gestimmtheit* не могут выразить этого настроения слабого наслаждения своим присутствием. Это наслаждение полнотой бытия и порождает в русских немоту решимости: наброска на бытие быть не может, ибо бытие все уже здесь³.

Что значит остановившееся время? Это значит, что время повседневности переживается русским человеком как полнота существования. Актуальное присутствие суть не только сам по себе этот настоящий момент, но и *его* прошлое, и *его* будущее. Эти экстатические горизонты есть не границы настоящего, а его собственные экстазы. Настоящее поэтому не становится прошлым и не предшествует будущему: оно обращено к ним и, тем самым, несет, длит, продолжает их в себе. Оно полно этим прошлым и этим «отсутствующим» будущим.

Время «стоит»: каждый новый день столь же полон бытия, как был прошлый и будет будущий. Время не течет, оно повторяется. Почему? Потому что экстаз времени есть ис-ступание к себе самому. Здесь и открывается самое главное русского времени. Настоящее это только обращенность к себе самому, а это есть экстаз *прошлого*. Если бытие экзистирует к самому себе, то его экзистенция в на-стоящем разворачивается как обращение на себя, т.е. как *повторение*. А именно повторение прошлого: сегодня то же самое, что было вчера, и завтра повторится то же самое, что и сегодня. Сегодня это суть обернувшееся прошедшее. Будущее – это только возможность повторения того, что было.

сти может переживаться как обретение смысла так, что теперь смысл оказывается не в самом бытии, а в этой активности. Триумф своеволия, проекта-наброска бытия, счета времени может заступить на место понимания бытия. Тогда набросок на свое бытие выступает только как форма его забвения.

³ Отсюда эстетическое отношение у русских ко времени своего повседневного бытия. Они наслаждаются этой полнотой пребывания; это сладкое забвение в повседневном круговращении и удовольствие от коловращения знакомых дел. Это и забвение себя, своего бытия, времени своей жизни, и острое понимание счастья, любви и смысла своего пребывания [1, с. 172–222].

Поэтому действительным временем русской повседневности является *прошлое*. Настоящее дление есть только его вос-произведение; будущее есть только воз-вращение прошлого. Настоящее длится как попытка разобраться со своим прошлым, прожить его еще раз. И это крах существования, ибо такое проживание просто невозможно; возможно только его бесконечное повторение и нескончаемое пережевывание того, что было. Если отношение ко времени есть переживание, а не понимание, то остановить это дурное повторение становится невозможно.

Открывается ли в повседневности русского здесь-бытия будущее как возможность существования как таковая? Такое время выражается глаголами модального действия, т.е. категориями необходимости, желательности, ожидаемости и т.д. Конечно, русские знают активное действие; время и есть мера действия. Оно длится, пока совершается какая-то деятельность. Сама эта деятельность лишь совершается внутри бытия и окутана им. Да и сама она переживается как несовершенная, ибо результативность этой деятельности определяется нами самими («субъектами» ее) лишь в малой степени. Скорее это определяется самим разворачиванием полноты бытия [1, с. 226–227]. Поэтому будущее время выражает слабую настроенность на ожидание благоприятности исхода: надо делать свое дело, а там как Бог даст...

Размыкание этого круга времени русской повседневности происходит только при условии обращения на будущее как нехватку бытия в здесь-существовании. А это предполагает *признание* своей *конечности*.

4. «Застрявшее время» истории и русская судьба. История рождается из повседневности: она всегда предполагает отношение к своему бытию, т.е. его понимание. М. Хайдеггер не просто играет словами, выводя этимологию слова «история» из смысла слова «судьба». Судьба есть удел, или тяжба бытия, т.е. линия бытия, на которую мы поставлены или посланы и на которой уже всегда стоим [2, с. 93–105].

Наша жизнь есть развертывание линии нашей судьбы. Если мы хотим осознанно ее прожить, то мы должны понять нашу жизнь как нечто целое и целостное, что придает смысл любому событию нашего существования. Человеку важно знать, что какой бы неудачной и провальной с любой точки зрения ни была его жизнь, это была именно его единственная и ему предназначенная жизнь, что он проживает именно свою, а не чужую жизнь. Если мы знаем смысл своей судьбы, то в самых разных жизненных событиях, в самых разных ее вариациях разыгрывается единственно значимая для нас линия жизни.

Такое понимание бытия как пути изначально связано с пониманием его историчности. История – это вовсе не собрание всех эмпирических событий нашего существования. Смысл истории и есть связывание в единое целое разнообразных событий, так что в них проступает, проявляется единство самого бытия. Однако смысл своего исторического бытия всегда предполагает понимание это-

го смысла. Только в рамках понимания как отношения к своему бытию открывается расположенность в истории. Какова же фигура русской истории?

Не-отношение к своему бытию рождает и неисторическую форму существования. Это не значит, что люди и народы не имеют эмпирического существования. Но в таком случае история имеет только внешнее отношение к существованию человека: он не живет в истории и историей. Иначе говоря, такое существование человека не имеет исторического измерения, не имеет исторического смысла. Мы просто пребываем, а не существуем исторически. Мы – вне истории.

Траектория истории в этом случае связывает события только в последовательности происходящего. Это могут быть как героические, так и негероические, важные или случайные события, исторические прецеденты и исторические анекдоты и т.д. История в этом случае предстает только как нарратив, в котором все события вплоть до настоящего времени моего существования «расположены» на виртуальной линии рассказа в некоторой последовательности. Такая история не имеет отношения к повседневному существованию человека, как и он не имеет отношения к истории. Это история как представление, а не как действительное бытие. Такой нарратив может выступать как историческая память народа, но сам по себе он еще историей не является. Это есть расхожее понимание истории.

Однако история отнюдь не нарратив, сама она есть модус присутствия. Она есть такое здесь-бытие, в котором удерживается связь с прошлым и настоящим. Это такое присутствие, в котором распахнут горизонт временности как единства экстазов времени. Это место *развертывания* самих горизонтов времени. Что это значит?

Настоящее «теперь» понимается не как вечность или сжимающееся в точку присутствие, а переходящее, или идущее время (*Zugehenzeit*). Этот ход суть место, в котором разворачивается само прошлое как сбывшееся и будущее как грядущее. Это присутствие как сам переход (*Übergang*), или событие-место обретения и удержания смысловых горизонтов здесь-бытия как временности присутствия (*Dasein west die Zeit*) [3, s. 191–197]. Иначе говоря, присутствие как историческое событие есть «место» различения и связывания самих горизонтов времени как их сбывание. И наоборот, их с-бывание и есть событие присутствия в истории, актуальное осуществление присутствия как времени.

Поэтому действительная история есть дистанция к настоящему бытию. Время истории есть то, в чем мы по-настоящему сбываемся. В этом случае прошлое есть экстаз настоящего как действительно сбывшееся. Что это значит? Это значит: оно действительно было и прошло; оно сбилось, осело, завершилось и прекратилось. Оно присутствует в настоящем как именно «прошедшее», т.е. теперь не длится, не продолжается, не присутствует. Это действительная история, или *собственно* прошлое. Только по отношению к такому прошлому и возможна дистанция различения. Однако вполне может быть

и незаконченное, продолжающееся, длящееся в настоящем прошлое. Это незаконченное, не свершившееся до конца, застрявшее в настоящем прошлое. Оно есть момент самого настоящего присутствия. Это означает, что настоящее присутствие не разрешилось от бремени этим прошлым, несет его с собой и «болеет» им. Оно не решено и не разрешено как собственное прошлое. Такое не разрешившееся в прошлом прошлое есть повторяющийся морок. Оно есть не ставшее историей, или *застрявшее время*.

Так же и с будущим. Будущее как грядущее есть то, что может прийти и сбыться. Оно – наступающее, то, что становится настоящим. Однако горизонт будущего содержит не только наступающее, но и то, что никак не может наступить и никогда не может осуществиться. Оно есть такое будущее, которое есть будущее «навсегда». В этом смысле это такое будущее, которое в действительности не-есть, «не могущее быть» (*seinskönnen nicht*) будущее. Действительное будущее это то будущее, которое имеет возможность быть; оно есть собственное будущего настоящего присутствия. Оно есть актуальный экстаз наличного бытия. Но если это только неспособное к наступлению и осуществлению в качестве настоящего будущее, то оно есть никогда *не свершающееся время*.

Действительное настоящее и есть такое со-бытие, в котором происходит «пре-вращение» (*Um-wandung*) горизонтов времени друг в друга: обретение прошедшего действительным смыслом прошлого за счет становления прошлым настоящего и обретение будущим действительного смысла будущего за счет его становления настоящим. Каждый из экстазов времени обретает свою действительность за счет собственного отрицания и становления иным экстазом. Это «превращение» экстазов времени друг в друга и есть со-бытие настоящего, т.е. завязка истории, ее действительное осуществление. Поэтому история как присутствие есть обретение смысла времени или линии судьбы. Судьба – это завязка узла времени в событии присутствия.

В свою очередь, такое обретение истории означает понимание событийности нашего присутствия. Если такого понимания нет, если нет отношения к своему бытию, то это означает замкнутость в круге повседневности, или выпадение из истории. Именно это и имел в виду П.Я. Чаадаев, говоря о русской истории: нет связи, нет единого смысла существования. Русская история разворачивается всякий раз заново, с чистого листа, завязки единого существования не происходит. Мы – Иваны, не помнящие родства; каждое новое поколение не продолжает дело отцов, а начинает все заново. Круг и постоянное повторение событий русской истории. Она – русская история – никак не может «распрявиться» в единую линию судьбы. В чем тут дело?

Выпадение из истории связано именно с тем, что исторические события завязываются без понимания их *действительного* смысла. В самом событии и участии в нем не происходит понимания его как узла завязывания истории. Потому что нет действительного присутствия. Поэтому прошлое, не понятое

до конца, никак не завершается; оно становится незаконченным, незавершенным делом, требующим разрешения в настоящем. Это стоящее в настоящем прошлое *живое*: оно «кровоточит» и «болит» в повседневности здесь-бытия его участников. Так же и будущее, которое никак не может сбыться, потому что нет способности к бытию. Оно не может сбыться, потому что его «место» в настоящем занято несбывшимся прошлым. Оно не способно к осуществлению, потому что вся энергия для его осуществления растрачена на борьбу в настоящем с неосуществляемым и застрявшим прошлым.

Это означает, что и настоящее, строго говоря, не имеет смысла такового: оно не настоящее, а «прошлое в настоящем», или «чистое будущее». Весь его смысл обращен к неосуществимому. Это как бы бытие спиной к будущему и лицом к прошлому. Вся настоящая история уже свершилась в прошлом, вот только в настоящем мы в полной мере не можем «оживить» это живое прошлое. Мы его оживляем через его нарратив, т.е. сказание о героическом прошлом. Такое бытие в прошлом есть не-бытие в настоящем и не-осуществимость в будущем. На поверку такое бытие оказывается не-существованием, или как-бы-существованием, его имитацией.

Почему фигурами русской истории становятся эти петли времени, круги повторения одного и того же? Постоянное повторение судорожных социальных движений, постоянное зачеркивание своего прошлого, постоянное повторение одних и тех же социальных паттернов (матрица «догоняющей модернизации», спор славянофилов и западников, «переписывание истории», гигантская государственная катастрофа с последующим взлетом народного духа, и т.п.)? Все начинается каждый раз с чистого листа, но оказывается повторением того, что уже было. Генетическая память русского народа только открывает это выпадение из истории, эту трагическую «повторяемость» русской судьбы. Что-то в самом русском бытии мешает пониманию ее.

5. «Высвобождение» времени. Русское чудо. М.К. Мамардашвили по этому поводу пишет: «...За этим как раз и стоит извечное и тянущееся из глубины веков бессилие совершения поступков, которые бы доводились до конца, так что всякий поступок есть деяние, как бы совершаемое раз и навсегда, и ответственность за него беру я» [4, с. 357].

Дело суть в *специфической модификации* экзистенции русского здесь-бытия, которая связана с *неприятием* своей *конечности*. Само по себе присутствие Dasein еще не выявляет нашей *собственной* событийности и историчности; таковым его делает именно решимость. Наш опыт, даже «вписанный» в структуру бытия, модифицированный бытийной эпохё, обнаруживающий свою «нейтральность», наш опыт есть действие понимания (интенция и выбор) субъекта. Поэтому для нас бытие существует лишь на основе *опыта личной медитации бытия*. Присутствующий есть *для себя* в присутствии только на основе своего отношения к этому присутствию.

Как же модифицирована решимость русского здесь-бытия? Если расположенность и настроенность в русском здесь-бытии модифицирована как *доверие* к бытию, если брошенность / найденность выступают как его *принятие*, то решимость модифицирована как *смирение*. Решимость всегда есть отклик на голос Бытия; но если Бытие всегда здесь, то и решимость выступает как хранение этого зова. Это есть не энергичный набросок на существование (*Entwurf*), а внимание к этой Вести.

Трансценденция своей конечности для западного *Dasein* разворачивается не только в энергии наброска на свое бытие, но и в понимании тщетности такого поступка. Ответственность на зов Бытия тогда разворачивается как именно сознание-понимание своей конечности как точки здесь-присутствия. Ответственный поступок и есть действие из понимания своей конечности; в этом случае все бытие «держится» самим моим поступком. Здесь сознание мотивирует волю, а воля определяет поступок. Ни надежды, ни упования на благодать здесь нет и быть не может [4, с. 359].

Русское внимание к бытию есть *отрицание* своей конечности в желании слиться с Бытием. Это рождает специфическую слабую решимость изменения: наслаждение присутствием не предполагает внешней активности. Поэтому и преобразование переживается нами как внутреннее преобразование, преобразование себя, а не Мира. Вся энергия существования направлена на это. Преодоление своей конечности осуществляется путем постоянной трансценденции своего здесь-бытия, которая для русских выступает не в опыте мышления-воли-поступка, а в опыте молитвы и стяжания благодати⁴.

Наиболее ярко это проявляется в так называемом феномене «русского чуда». Речь идет о событиях прорыва в историю (1380, 1612, 1812, 1914, 1917, 1945, 1961, 1991, 2014 и т.п.). Таковы все известные переломные события в русской жизни, которые не могут быть вполне объяснены с точки зрения привычных причинно-следственных связей. В них линия течения «линейной»

⁴ См.: Ступени умного делания и собственной личной активности в опыте русской святости: установка-покаяние – подвиг – невидимая брань – трезвение – сведение ума в сердце – Иисусова молитва. Эта практика модификации нашего здесь-бытия должна завершиться стяжением благодати, обожением и обретением святости, т.е. неспянным слиянием с Богом (Бытием). Такая практика предполагает чрезвычайной силы активность и энергичность, но направленную не вовне, а внутрь здесь-бытия. Преобразуется не Мир, а само сущее. – [6, 5]. Сознание своей конечности связано у русских с сознанием своей изначальной греховности; преодоление ее возможно только «идеальным» путем – путем стяжания благодати. Попытка преодолеть греховность в Мире (Земном бытии) и стать идеальным без Божественной благодати, собственными силами есть истерика своеволия, искус и дьявольское наущение.

Заметим, что упование на Божественную благодать есть и утверждение конечности, и ее умаление. Это только выражение онтологического устройства здесь-бытия: оно есть место изначальной открытости Бытия. Такая медитация собственной конечности лежит в основе всей западной метафизики: ср., например, аргументы Декарта о собственной ущербности. Поэтому вполне может быть такая модификация решимости, которая одновременно «удерживает» сознание нашей конечности при внимании к бытию. Русским эквивалентом такой решимости быть без забвения своей конечности и без забвения бытия является поступок как «доброе дело», или «мирская молитва» (например, [7, с. 234–247]).

истории как бы «прерывается» и «опрокидывается» в иное бытие, открывая подлинно историческое существование русского народа. Внешнее впечатление таково, что в короткий момент времени происходит радикальное обновление мирочувствования и самой личности русского человека. Именно эта «необъяснимость» таких перемен находит свое объяснение в спекуляциях о «русской душе», «подлинной миссии русского народа», «религиозном смысле русской истории» и т.п. Безусловно, такие события всегда связаны с чудовищным выплеском народной энергии и переживаются как действительное проявление русского национального духа, восторг от участия в исторических действиях. Но в этом они мало отличаются от триумфа национального духа других народов. Суть их отнюдь не в этом, а потому всякие спекуляции о русской истории и энтузиазм исторического сознания далеки от ее понимания.

Суть в том, что в этих событиях проявляется специфически русская экзистенция к своему бытию. А именно амбивалентное отношение к своей конечности. Действительно, решимость быть связана с таким трансцендированием собственной конечности, в котором она и «преодолевается», и «удерживается». Личный поступок как стремление полного осуществления в бытии возможно только как проявление собственной конечности⁵. С одной стороны, поступок как прорыв повседневности направляется отрицанием собственной конечности и доверием к бытию, с другой стороны, это всегда объективация моего присутствия, моего «я». С одной стороны, историческое действие есть отрицание собственного во имя общего, с другой стороны, само общее реализуется только в индивидуальном экзистировании [1, с. 215–217].

Вот это противоречие и находит выражение в «русском чуде»: с одной стороны, это есть вхождение в историю как личностный поступок, проявление личной ответственности, личного присутствия. С другой стороны, он понимается как отрицание этой личной ответственности, собственной воли, собственного «Я». В своих собственных действиях русские отрицают свою собственную конечность; это присутствие как *непонимание* и *не доведение* поступков до их полной реализации, до подлинной историчности и событийности. Русское бытие как бы изначально надломлено в своем бесконечном доверии к бытию и собственной нерешимостью быть [1, с. 397–399].

Именно в этом суть «русского чуда», а не в его «героичности» или «катастрофичности». Это стремление быть при отрицании этого стремления. В этой амбивалентности русского экзистирования открывается смысл повторения кругов русской истории. С одной стороны, это попытка обрести именно историческое существование, «развязать» узлы застрявшего прошлого и от-

⁵ М.К. Мамардашвили называет поэтому личный поступок «крещением воли». – См. его анализ поступка как единства сознания-бытия и «держания» конечности своего присутствия [3, с. 368–374, 392–410]. Здесь же он анализирует фундаментальную надломленность русского бытия, связанную именно с отрицанием своей конечности.

крыть действительное будущее. Это «высвобождение» времени как обретение действительного будущего как возможности быть. С другой стороны, это такая попытка, которая связана с повторением ранее неразрешенных проблем как их новым проживанием (изживанием), в котором время будущего является только возможностью, а не «совершением» его собственным усилием в настоящем. Это признание собственного прошлого как его утверждение⁶.

Действительно, экзистирование к своему бытию выступает как экстазирование к собственному времени. Поэтому, с одной стороны, это такое присутствие в настоящем, в котором «завязывается» узел времени: действие разворачивается как прехождение времени, т.е. обращение в настоящем будущего в прошлое. История делается тем, что настоящее становится проходящим, а будущее осуществляется как настоящее. Только такая событийность отсылает к смыслу, личностному смыслу бытия, и только при этом экстатические горизонты времени предстают как горизонты исторической судьбы человека. Иначе говоря, выявление этой онтологической структуры поступка как присутствия есть *десубъективация времени*.

В таком случае экстатические горизонты несобственной, или расхожей, историчности, могут быть обозначены как простая *Gegenwärtigkeit*; она лишь суждение от настоящего присутствия как простой наличности. Для такого «настоящего» будущее и прошлое есть только представления, не имеющие собственно присутствия. Собственная же историчность предстает как *Präsens*; она также есть суждение от настоящего присутствия как присутствия понятого; это решенное, или разрешившееся от невозможности быть, присутствие. Такое настоящее есть «сборка», «завязка», «сбывание» своего целостного присутствия и вхождение в историю. Это есть «разрыв» круга повторяющегося, или стоящего времени, его выпрямление в вектор (линию), направленность в будущее.

Однако, с другой стороны, в историческом присутствии русских равноприсутствует не только отрицание своей конечности, но и стремление к «объективности» присутствия. Десубъективация времени есть всегда присутствующая, но не реализуемая возможность русского бытия. Отрицание собственной конечности ведет к стремлению к идеальному воплощению своей бессубъектности. Объективация поступков не признается за подлинное существование; это всегда присутствующая в энтузиазме русского исторического свершения возможность падения в повседневность. Если доверие к бытию оказывается для русского человека сильнее, чем принятие на себя ответственности за свое бытие, то понимание тщетности трансцендирования своей конечности обрушивает решимость быть в повседневность. Это и есть «выпадение» из истории.

Это означает смыкание горизонтов времени в момент настоящего. Потеря ответственности и лица обрушивает экзистенцию в беззаботность повсе-

⁶ См. о циклах русской истории [8].

дневного существования. Содержанием временности нашего существования становится «отчуждение» от истории и замыкание в простой современности как сиювременности (*Gegenwärtigkeit*). Горизонты исторического времени становятся горизонтами падшего *Präsenz*, которое само есть только исчезающее мгновение смыкания уже не-существующего прошлого и еще не наступившего будущего. Это означает обратную *субъективацию времени*: прошлое и будущее «развязываются» в простых представлениях повторяющегося. *Линия времени вновь замыкается в круг, а «русское чудо» на-всегда остается повторяющимся чудом истории, а не делом человека.*

Список литературы

1. Козин Н.Г. Россия. Что это? В поисках идентификационных сущностей. – М.: Академический проект; Альма матер, 2012. – 5247 с.
2. Heidegger M. Das Wesen der Geschichte. “Anfang”. “Seyn” // Heidegger M. Die Geschichte des Seyns. Gesamtausgabe. B.69. – Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2012. – S. 93–105.
3. Heidegger M. Das Sein und Zeit und das anfängliche Denken als Geschichte des Seyns // Heidegger M. Über Anfang. Gesamtausgabe. B.70. – Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2005. – S. 191–197.
4. Мамардашвили М.К. Эстетика мышления. – М.: Московская школа политических исследований, 2000. – 416 с.
5. Новиков Н. Начало молитвы. Беседы о внутренней жизни. Серия «Путь умного делания». – М., 2015. – 656 с.
6. Хоружий С.С. К феноменологии аскезы. – М.: Изд-во гуманит. лит. 1998. – 352 с.
7. Св. Феофан Затворник. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться. – 4-е изд. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2013. – 384 с.
8. Россия как цивилизация: устойчивое и изменчивое. – М., 2007. – 567 с.

References

1. Kozin N.G. Rossiya. Chto e'to? V poiskax identifikacionnyx sushhnostej [Russia. What is it? Looking for the unique entities]. Moscow: Akademicheskij proekt; Al'ma mater, 2012. 5247 p.
2. Heidegger M. Das Wesen der Geschichte. “Anfang”. “Seyn”. *Heidegger M. Die Geschichte des Seyns. Gesamtausgabe*. B.69. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2012, pp. 191–197.
3. Heidegger M. Das Sein und Zeit und das anfängliche Denken als Geschichte des Seyns. *Heidegger M. Über Anfang. Gesamtausgabe*. B.70. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2005, pp. 191–197.

4. Mamardashvili M.K. E'stetika myshleniya [Aesthetic of thinking]. *Moskovskaya shkola politicheskix issledovanij*, 2000. 416 p.
5. Novikov N. Nachalo molitvy. Besedy o vnutrennej zhizni [The beginning of prayer. Conversations about inner life]. Moscow, 2015. 656 p.
6. Xoruzhij S.S. K fenomenologii askezy [To phenomenology of austerity]. Moscow: Izdatelstvo gumanitarnoy literatury, 1998. 352 p.
7. Sv. Feofan Zatvornik. Chto est' duxovnaya zhizn' i kak na nee nastroit'sya [What the spiritual life is and How to maintain such kind of life?]. Moscow: Izdatelstvo Sretenskogo monastyrja, 2013. 384 p.
8. Rossiya kak civilizaciya: ustojchivoe i izmenchivoe [Russia as a civilization: historical and changeable]. Moscow, 2007. 567 p.

Получено 17.12.2015